

1917 ○ Юбилейный сборник ○ 2017

100 лет

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ ОТЕЧЕСТВА

1917–2017

ВЧК ○ ГПУ ○ ОГПУ ○ НКВД ○ НКГБ ○ МГБ ○ КГБ ○ ФСБ

Коллектив авторов
Сергей Васильевич Рац
Н. И. Милютенко
Незримый фронт Отечества.
1917–2017. Книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43717355
Незримый фронт Отечества. 1917–2017 Книга 2:
ISBN 978-5-9909475-7-3*

Аннотация

В сборник, посвященный 100-летию ВЧК–КГБ–ФСБ, включены статьи, исторические повести и архивные документы, отразившие основные этапы становления и развития органов государственной безопасности с 1917 по 2017 год. В данной книге представлены работы двадцати авторов, в основе которых лежат исторические документы и факты незримого фронта отечественных спецслужб по защите национальных интересов России.

Книга предназначена для широкой аудитории, студенческой молодежи, а также профессионалов – историков, политологов, политиков, и всех тех, кому небезразлична история государственной безопасности нашей страны.

Содержание

Часть 1	4
Чернов Сергей Владимирович	5
Сша – Россия: необъявленная война	6
Нелегал раскрывает тайны	67
Щиголев Виталий Захарович	75
Отряд особого назначения	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

С. В. Рац
Незримый фронт
Отечества. 1917–
2017 Книга 2

Часть 1

Чекисты в годы холодной войны

Чернов Сергей Владимирович

Полковник в отставке, длительное время возглавлял оперативный архив Управления КГБ СССР – ФСБ РФ в составе Службы регистрации и архивных фондов. Огромная работа по реабилитации жертв политических репрессий, активная помощь и участие в подготовке и издании «Мартиролога» жертв репрессий в Ленинградской области, совместно с Российской национальной библиотекой проходили при его непосредственном руководстве. Автор ряда изданий по истории

Сша – Россия: необъявленная война

© С. В. Чернов, 2017

Вместо предисловия

На рубеже 50-х годов началось противостояние двух общественно-политических систем, двух государств – США и СССР. Это противостояние с легкой руки Б. Брауха, бывшего советником президента США Г. Трумэна, впервые употребившего это выражение 16 апреля 1947 года в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина, получила название «холодная война».

Одну из противоборствующих сторон представляла Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная 4 апреля 1949 года в США и была направленная в первую очередь на противодействие внешнеполитическим устремлениям СССР, только что победившего в войне и обладавшего поэтому огромным авторитетом в мире. Создание указанного блока руководством СССР было воспринято как угроза безопасности страны. В качестве ответной меры 14 мая 1955 года в Варшаве СССР подписал с государствами Восточной

Европы, освобожденными от фашизма, Варшавский договор о создании военного союза европейских социалистических государств, при ведущей роли Советского Союза, – Организации Варшавского договора (ОВД). Помимо государств – участников ОВД, наиболее активными и деятельными союзниками СССР в холодной войне на разных ее этапах были такие страны, как Куба, КНДР, Китай, Монголия, Вьетнам и ряд других. Берлинский кризис, Корейская война – вот основные события первого этапа холодной войны, этапа, в начале которого США планировали атомную бомбардировку СССР. Однако появление у Советского Союза атомной (1949), а затем водородной (1953) бомбы охладило пыл потенциального агрессора.

Холодная война стала особой формой борьбы Запада с СССР, это была борьба, направленная на разрушение экономической, военной и политической системы государства, но в дальнейшем на первый план в холодной войне вышли информационно-психологические, идейно-культурные методы и приемы.

Основные цели, принципы и направления информационно-психологической войны были сформулированы в знаменитом меморандуме Алена Даллеса:

«Окончится война... и мы бросим все... на оболванивание и одурачивание людей. ... Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться

грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

Некоторые считают меморандум фальшивкой, но даже если меморандум был фальшивкой, в действительности холодная война США против СССР состоялась и развивалась на основе целей, принципов и методов, изложенных в этой «фальшивке».

К тому же, помимо рассуждений Даллеса об ударах, нарушающих социокультурный код того или иного общества, американский сенатор Х. Хамфри писал Трумэну о важности «оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура». Информационно-психологические войны в сфере идей и культуры потребовали значительного времени. Именно на это и настраивались противники СССР.

Главным направлением в холодной войне против СССР стал курс специальных служб иностранных государств на постепенное изменение общественного сознания его граждан, прежде всего в среде номенклатуры и интеллигенции Советского Союза.

Западные аналитики, хорошо зная ментально-культурные особенности советских людей, направляли свои устремления на дестабилизацию обстановки в СССР. В первую очередь под влияние попадала интеллигенция, части которой

характерны такие качества, как стремление обесценить официальную идеологию и ее смыслы, склонность к критике власти.

В целом и военно-политические, и информационно-психологические технологии применялись в комплексе. НАТО пользовалась ситуацией в СССР и на международной арене и выгодным для себя образом освещала происходившие там события. Так, например, освещение НАТО XX съезда КПСС и венгерских событий 1956 года нанесло существенный удар по СССР, и в тоже время подорвало позиции коммунистических партий на Западе, подставляя их под критику и обостряя внутренние противоречия в этих странах. Ослаблялись позиции СССР в государствах социалистического лагеря. Обострялись отношения КПСС с правящими в соцстранах партиями, что приводило к утрате доверия как в обществе, так и внутри самой партии.

К концу 70-х – началу 80-х годов соотношение сил в холодной войне стало меняться в сторону западной коалиции. НАТО воспользовалось тем, что советская номенклатура начала перерождаться в неидеологический, потребительский класс. Этому способствовали застойные процессы в движении и сменяемости кадров, сращивание теневой экономики с хозяйственными кадрами, падение роли партийных органов в жизни общества, участие экономики СССР в мировом рынке в качестве поставщика сырья. Следует отметить, что зависимость СССР от экспорта нефти повышала его уязви-

мость к воздействию тех сил, которые контролировали мировой рынок нефти и определяли цены на нем, – так было положено начало процессу частичной утраты суверенитета страны.

К середине 1980-х годов, с приходом к власти М. С. Горбачева, исповедующего западные либеральные ценности, сложились условия, способствовавшие стремительному распаду СССР. Моральное и социальное разложение верхушки, ее идеологический разворот в сторону Запада, командно-бюрократический стиль управления, бездарность «первых лиц» государства стали факторами, повлиявшими на развал СССР.

Запад приложил максимум усилий для повышения своего влияния непосредственно в самой России. Натовские «друзья» дружно хлопали в ладоши «лучшим немцам и министрам иностранных дел» за сдачу политических позиций и отдельных территорий, «лучшим министрам финансов», ввергавших Россию в долговую кабалу.

1 июля 1991 года прекратил свое существование Варшавский договор, который подвел черту в холодной войне, но не стал окончанием геополитического наступления стран НАТО по всем направлениям. Особенно политическая и финансовая элита США открыто демонстрировала свое активное стремление к безоговорочному управлению миром.

В настоящее время украинский кризис стал свидетельством стремления США и их союзников принизить роль Рос-

сии в мировой политике и экономике, упрочить однополярный подход к миропорядку.

Критика современной политики России и Президента В. Путина со стороны политических противников, как внешних, так и внутренних, является прямым индикатором того, что Россия стоит на верном пути своего развития и является примером настойчивого сопротивления однополярному обустройству мира.

Особой формой ведения холодной войны в отношении СССР, а затем и России стало использование зарубежными спецслужбами так называемой агентуры влияния. Эта агентура вербовалась в основном из числа советской номенклатуры, вышедшей из-под контроля как сверху, так и снизу, и, что самое главное, выведенная из-под контроля органов госбезопасности. В подтверждение сказанному приведем текст документа за подписью Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, оглашенного 17 июня 1991 года на сессии Верховного Совета СССР тогдашним шефом КГБ СССР В. А. Крючковым.

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит

задачу осуществить вербовку “агентуры влияния” из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработала программу индивидуальной подготовки “агентов влияния”, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой “агентов влияния”, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность “агентуры влияния” будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в

Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»¹.

В противостоянии военно-политических организаций НАТО и Варшавского договора на передний план были выдвинуты разведывательные и контрразведывательные организации противоборствующих сторон.

В связи с этим перед российскими органами государственной безопасности встали задачи дальнейшего совершенствования оперативной и служебной деятельности для своевременного выявления и пресечения попыток зарубеж-

¹ Без срока давности: в 2 кн. Кн. 1. В. А. Крючков. М.: Просвещение, 2006. С. 14–15.

ных спецслужб засылать в нашу страну кадровых разведчиков и агентов в составе дипломатических представительств и зарубежных делегаций, а также под видом коммерсантов, специалистов и туристов.

Масштабы этой тайной войны были грандиозны. «Только в 1985 году военные разведчики США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Канады и Японии совершили 520 разведывательных поездок по нашей стране. Из них – 133 американцы, 115 – англичане, 106 – французы, 47 – разведчики ФРГ. Обычно эти «бригады» действовали нагло и напористо. Однако получали отпор от территориальных органов контрразведки», – пишет в своей книге «КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки» генерал-майор Вячеслав Широнин².

Примеров результативной деятельности территориальных органов безопасности России, в частности ленинградского Управления госбезопасности, можно привести много, но по оперативным соображениям расскажем только о некоторых из них.

В 1956 году был выявлен и вскоре разоблачен агент израильской разведки Итенберг. Старший оперуполномоченный отделения Александр Степанович Бочковский в работе по делу Итенберга действовал настойчиво, целеустремленно, квалифицированно. Вслед за этим последовали разоблачения сотрудничавших с американскими спецслужбами бра-

² КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997. С. 109.

тьев Ижболдиных, Фомичева, Рафаловича, Иевлива, работу по которым вместе с сотрудниками КГБ СССР активно вели оперработники отделения Евдокимов, Зенин, Мальков. В этот же период были пойманы с поличным при проведении разведывательных действий американские военные разведчики Уффелман и Луис, которыми занимался старший оперуполномоченный Александров Иван Алексеевич.

В середине 1960-х годов у 2-й службы были также определенные успехи в оперативной работе: разоблачен вербовщик английской разведки Тойвола, по нашей инициативе совместно с центром начата оперативная игра с американской разведкой, которая продолжалась более 30 лет. Через подставленного спецслужбам США нашего агента мы внедрили противнику большое количество дезинформации по важным военно-научным вопросам, выявили значительное число сотрудников спецслужб, работавших в Советском Союзе под различным прикрытием.

Далее идут рассказы журналиста А. Д. Витковского, записанные и составленные по материалам, которые были предоставлены С. В. Черновым.

Весна 2001 года Санкт-Петербург. Конспиративная квартира одной из российских спецслужб. За столом небольшая компания, собравшаяся на дружеский ужин. Повод – годовщина начала уникальной, имеющей стратегическое значе-

ние для национальной безопасности России контрразведывательной операции.

Узкий круг посвященных

«Главным блюдом» на встрече стал сорокалетний армянский коньяк. Точнее, сам напиток, судя по этикетке, имел 10-летнюю заводскую выдержку, а остальные 30 лет, пока шла упомянутая операция, хранился в укромном месте, ожидая своего звездного часа.

– Эту бутылку великолепного марочного коньяка мы купили сразу после первого этапа нашей операции, чтобы выпить ее после успешного завершения всей оперативной игры, – подчеркнул полковник ФСБ Юрий Шаров. – И день настал. И мы пьем этот достойный напиток, который хранился более трех, нет, уже четырех десятков лет, за наш успех, за победу в трудном поединке с профессионалами из Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки.

Одним из тех немногих, кто присутствовал на памятном ужине, был автор настоящего материала. Причем на тот момент о том, что отечественными спецслужбами осуществлялась такая оперативная игра, в стране знали всего 15 человек, из которых 14 были непосредственными ее участниками. Дело в том, что в интересах операции ей был присвоен высочайший статус секретности: по решению руководства

контрразведки к делу надлежало допустить не более 2–3 сотрудников. Даже руководители КГБ и ФСБ знали главного героя операции только по оперативному псевдониму. Хотя, как видим, за 32 года игры круг посвященных по ряду причин все же расширился до 14 человек. Четверо из них, к сожалению, до окончания операции не дожили, их память мы тогда почтили «третьим тостом».

В советское время такого рода операция осталась бы, вероятно, навсегда в закрытом архиве спецслужб, но в новой России ее судьба сложилась иначе. Некоторое время спустя после завершения операции директор ФСБ РФ Николай Патрушев дал разрешение на ознакомление с материалами по ней, в результате чего в конечном итоге и стала возможной эта публикация. Меня просили не упоминать в публикациях настоящие имя, отчество и фамилию главного героя операции, поэтому будем называть его так – Михаил Моисеевич Плавин.

Нежданный сюрприз

60–70-е годы XX века были отмечены резким обострением американо-советского противостояния. В такой ситуации у спецслужб обеих стран стояла задача – любыми путями выяснить стратегические замыслы главного противника. Узнать, каков ядерный потенциал, насколько реальна угроза превентивного нападения, смогут ли пусковые ракетные

шахты выдержать мощность вражеского атомного шквала, а самое главное – возможен ли ответный удар.

Разведка США совершала все мыслимое и немислимое, чтобы добраться до этих сведений и получить объективную и достоверную информацию. Наша контрразведка, напротив, сосредоточила свои усилия на защите этих, пожалуй, самых секретных в то время материалов. Вместе с тем она делала все возможное, чтобы обмануть противника, ввести его в заблуждение по поводу стратегических замыслов советского военно-политического руководства, а также относительно сведений по поводу тактико-технических и боевых характеристик нашего оружия, его количественных показателей, мест дислокации. Тем более что изначально советская позиция в атомном противостоянии была более уязвима – и ядерных боеголовок меньше, и полетное время носителей до территории США дольше, не говоря о множестве других нюансов.

Именно тогда в оперативную лексику отечественных спецслужб прочно вошел термин «скрытое управляющее воздействие на противника», в рамках которого до потенциального противника надо было довести такую информацию, которая бы заставила его сделать окончательный и бесповоротный вывод о бесперспективности проведения масштабных или локальных боевых действий против СССР с использованием ядерного оружия.

И вот весной 1966 года в американское посольство в Да-

нии неожиданно приходит советский гражданин и выкладывает на стол схемы отдельных узлов ракеты морского базирования, отснятые на фотопленку в одном из секретных «почтовых ящиков» Ленинграда, уже давно интересующем ЦРУ. Американцы были просто вне себя от радости.

Оперативный замысел

«Идея подставы противнику контролируемого нами источника секретных сведений далеко не новая, – говорил мне Николай Богданов, полковник в отставке, кавалер более 20 боевых наград, один из тех, кто задумал и начал реализацию плана по подставке Лэнгли советского «шпиона-инициативника». – Американцы знали этот прием и зачастую отказывались от подобных контактов со стороны шпионов-инициативников. Поэтому мы решили сыграть на западном меркантильном прагматизме: почему бы не представить передачу секретов американцам не как акт «предательства» советского гражданина (именно от подобных доброхотов американцы зачастую отмахивались, словно от назойливых мух), а как взаимовыгодную сделку по купле-продаже секретной информации. Некий прообраз рыночных отношений в сфере шпионской деятельности. Нам представлялось, что именно такой подход будет близок меркантильной сущности и деловой хватке американцев».

«Майкл, как меня называли цэрэушники, не был предате-

лем и не собирался “съезжать за бугор”, – описывал мне позже свой образ «агента» Михаил Плавин. – Для моего двойника тайный контакт с иностранцами стал результатом стечения различных объективных и субъективных жизненных обстоятельств. Американцам импонировало, что я не какой-то тривиальный изменник, предатель, которому наплевать на интересы своей страны, а деловой человек, который хочет продать имеющийся у него товар и сделать это “не токмо корысти ради”, а еще и во имя общих интересов предотвращения ядерной войны и возможных партнерских взаимоотношений между нашими государствами в будущем. Если хотите, у этого человека была своя философия, которая очень близка по духу американцам. На этом и строилась вся игра».

Однако от замысла до практической реализации оперативного плана лежала дистанция огромного размера. Предстояло выявить объект устремлений американской разведки, определиться в характере дезинформационных материалов, которые без ущерба для страны и ее военно-промышленного потенциала можно передать противнику и которые должны заинтересовать его, отработать безукоризненный способ передачи этих сведений, не вызывающий подозрений у сотрудников ЦРУ. Но самое главное – надо было найти исполнителя оперативного замысла. Того человека, который возьмет на себя ответственность и смелость вступить в непосредственный контакт со спецслужбой противника, заранее зная, что стопроцентный успех не гарантирован, а риск быть рас-

крытым – чрезвычайно велик. Ведь в тайном поединке спецслужб могло случиться всякое.

При этом вариант использования кадрового контрразведчика был отмечен сразу, поскольку военная служба, учеба в закрытом вузе или работа в органах госбезопасности накладывает неизгладимый отпечаток на характер, образ мыслей, манеру поведения и общения человека. Все эти качества не останутся незаметными для противника, заставят его быть более осторожным, недоверчивым, чаще проверять и перепроверять своего конфиденнта и получаемую с его помощью информацию.

Было решено найти человека на стороне, не связанного напрямую с работой органов госбезопасности. Им то и стал Михаил Плавин.

«Осенью 1965 года в здании “ЛенТАСС” ко мне подошли два молодых человека, показали документы сотрудников госбезопасности и попросили проехать с ними, – поведал мне на том памятном ужине свою историю Михаил Моисеевич. – Я уже давно работал с иностранными делегациями, знал, что за ними присматривает КГБ, поэтому их просьба меня не удивила. Страх не было. Скорее любопытство.

В черной “Волге” мы подкатили к “Астории”. В гостиничном номере ожидали два чекиста, чуть старше меня по возрасту. Познакомились, поговорили о том о сем, в том числе и обо мне, о моей работе. Разговор был достаточно долгим – вроде обо всем и ни о чем конкретно. А потом они спросили,

не смогу ли я выехать туристом в какую-нибудь западноевропейскую страну и зайти в посольство одного из развитых капиталистических государств.

Поначалу их предложение вдавило меня в кресло, будто я в самолете на “мертвую петлю” пошел. Собеседники тоже заметили мое смятение и успокоили – ведь ехать нужно не завтра. Впереди несколько месяцев напряженной подготовки. Тут и я вышел из крутого эмоционального “виража”, поблагодарил за доверие и согласился».

Вопрос о том, почему выбор пал именно на Плавина, позже напрямую был задан генералу в отставке Евгению Телегуеву, отдавшему многие годы службе в органах госбезопасности. Дело в том, что он был одним из тех двух чекистов, кто встретил Плавина в «Астории» и принял активное участие в разработке всей операции. Вот что он мне поведал: «Мы исходили из той легенды, в которую должен был вжиться наш негласный помощник. Предварительно нами был изучен не один десяток кандидатов, но остановились на Плавине. Его эрудиция, смелость (Плавин – фронтовик, воевал на пикирующем бомбардировщике. – А. В.), аналитический склад ума, самообладание, раскованность в общении с иностранцами и умение адекватно вести себя в стрессовых ситуациях свидетельствовали о том, что он справится с этой сложной и трудной работой. И еще. Мы на сто процентов были уверены, что он не предаст, даже если сотрудники ЦРУ будут оказывать на него жесткое морально-психологическое давление, и не

проболтается о связях с сотрудниками органов госбезопасности среди своего ближайшего окружения. Время и наша совместная работа показали, что мы не ошиблись».

Подготовка

С выбором предприятия, к которому американцы проявляли интерес, особых проблем не было. Свой взгляд чекисты остановили на «почтовом ящике» № 271 в Ленинграде, выпускавшем ракетно-артиллерийское вооружение для ВМФ СССР. Через третьих лиц, чтобы ни у кого не было подозрений, туда устроили на работу Плавина, получившего вскоре соответствующий допуск. По своим функциональным обязанностям он занимался фотосъемкой чертежей, в том числе и совершенно секретных.

Будучи человеком коммуникабельным, Михаил быстро познакомился со многими сотрудниками, изучил расположение кабинетов и цехов предприятия, распорядок дня, систему охраны и допуска к секретным работам, тайно сделал несколько «тренировочных» снимков закрытой документации. Конечно, с формальной точки зрения он грубо нарушал инструкцию по работе с секретными документами, и если бы кто-то из коллег застал его одного за фотосъемкой секретных бумаг с нарушением установленных правил, крупных неприятностей новому сотруднику было бы не миновать. Но в шпионском ремесле все должно быть по-настоящему, осо-

бенно с учетом того, что американцы могли попытаться проверить «легенду» Плавина. К тому же «незаконная» деятельность Плавина помогла выявить и устранить некоторые упущения в работе с секретной документацией на предприятии.

Сложнее было определиться с теми сведениями, которые без ущерба для страны надлежало передать иностранцам. С одной стороны, они должны были заинтересовать ЦРУ, показав значительные оперативные возможности агента по получению важной документации, и создать предпосылки для дальнейших контактов, а с другой – ни в коем случае не нанести ущерба нашим секретным проектам и не позволить раскрыть перед американскими специалистами перспективные возможности советских научно-технических разработок в этой области. В конечном итоге было решено «слить» некоторые схемы общего плана и отдельных узлов наших ракет с дальностью до 800 км. Весь объем подобранных для передачи в ЦРУ материалов давал хаотичную и пеструю картину, которая не складывалась в целостное полотно и не раскрывала действительных секретов нашего вооружения.

Тщательно разрабатывалась легенда поведения Плавина в процессе контактов с сотрудниками зарубежных спецслужб. Особое внимание уделили мотивам «преступления». Здесь пошли, что называется, от жизни – отсутствие жилья и реальной перспективы его получения в ближайшем будущем. Единственный возможный вариант – покупка кооператива, для чего и понадобились деньги, которые инициативник и

рассчитывал получить от американской разведки за представленные секретные документы.

Пришлось поломать голову и при выборе страны, в которой с наименьшим риском и максимальной эффективностью можно было бы провести операцию по подставе. Остановились на Дании. Здесь советские спецслужбы еще не проводили острых оперативных мероприятий, а вот американцы «засветились» изрядно. Только что был обнаружен специально проложенный тоннель в сторону посольства СССР, а в датской резидентуре ЦРУ вдруг появились разведчики, владеющие русским языком.

Наконец, после длительной подготовки 28 марта 1966 года группа советских туристов, в которую были включены Плавин и оперработник Ленинградского управления КГБ, которому предстояло обеспечивать работу агента, а при необходимости – подстраховать его, выехала из Москвы в Копенгаген.

Игра начинается

1 апреля в два часа пять минут пополудни оторвавшийся наконец от своей туристической группы Плавин позвонил в дверь американского посольства.

Принявшему его дипломату пришлось долго объяснять цель визита – американец никак не мог въехать в проблему, поскольку плохо знал немецкий язык, которым владел Пла-

вин, ну а русский дипломат не знал и вовсе. На выручку подоспел вице-консул, представившийся Бобом и сносно говоривший на русском. К необычному посетителю он проявил искренний интерес и внимательно слушал его, время от времени задавая уточняющие вопросы и делая пометки в своем блокноте. А когда увидел, как Плавин вытащил из своего фотоаппарата кассету, на катушке которой под обычной пленкой были намотаны негативы с секретными чертежами, и вовсе изумился.

Тем временем «изменник» выдвинул свои финансовые условия, на которых он был готов передать эту пленку и другие негативы, хранившиеся в гостинице. Американцы согласились и договорились о следующей встрече через день, назначив место и время.

Второе свидание происходило в автомашине, судя по всему принадлежавшей посольству США. В ней кроме Боба находился еще один американец, представившийся Александром Павловичем и почти без акцента говоривший по-русски. Позже установили, что это кадровый сотрудник ЦРУ Питер Грей. Он прежде всего отметил, что представленные документы хоть и подлинны, но несколько устаревшие, а получив вторую пленку, задал массу вопросов, касавшихся самого Плавина, его работы, доступа к секретным сведениям и условий их передачи американцам. Особо его интересовали мотивы обращения к зарубежной разведке. Именно тогда Михаил убедился в том, насколько правильно был вы-

бран повод для его встреч с американцами и глубоко продумана легенда его поведения. Здесь же «по-деловому» договорились и о конкретной цене за «секретные» материалы. «Если вы согласитесь сотрудничать с властями США, – подвел итог беседы Александр Павлович, – то станете очень богатым человеком».

Тщательный опрос Плавина продолжился и на следующий день, на третьей встрече, начавшейся у ажурной решетки парка «Тиволи» и закончившейся на конспиративной квартире ЦРУ. Новая встреча состоялась в небольшом коттедже. Комната, где происходила беседа, была нашпигована какой-то аппаратурой, а Плавину в достаточно жестком и динамичном темпе задали огромное количество прямых вопросов, в большинстве случаев требовавших четких и недвусмысленных ответов по принципу «да-нет».

Уже затем, в Ленинграде, обсуждая обстоятельства этой встречи с нашими оперработниками, участники операции пришли к выводу, что, судя по всему, была проведена бесконтактная проверка «инициативника» на детекторе лжи. По тембру голоса, частоте дыхания и некоторым другим показателям, которые можно фиксировать в процессе визуального наблюдения, кино- и фотосъемки, цэрэушники, видимо, изучали своего нового конфидента на предмет «врет – не врет». По всей видимости, Плавин успешно прошел этот тяжелейший с точки зрения психической нагрузки экзамен, для чего пришлось даже «заложить» оперработника, сопро-

вождавшего группу.

На новой встрече, проходившей в одной из гостиниц, американцы провели детальный инструктаж своего «агента», снабдили подставными адресами для условных писем, специальным фотообъективом и несколькими кассетами высокочувствительной мелкозернистой фотопленки для изготовления микроточек с секретной информацией, а также научили делать их и прятать в почтовые открытки, равно как и извлекать такие микроточки из корреспонденции, которая будет приходить на его адрес. Была тщательно отработана и целая система условностей для переписки. Например, если в тексте попадалось слово «Walter», то в открытке спрятана микроточка, которую надо извлечь, проявить и ознакомиться с новым заданием. Слово «Wetter» означало паузу в работе, а «Paul» свидетельствовало об угрозе.

На последней, шестой встрече Плавину дали рецепт подготовки химсостава для проявки тайнописи в письмах, которые будут приходить по внутрисоюзному почтовому каналу на его имя. Также его попросили написать расписку о согласии сотрудничать с разведкой США, а заодно – под другие расписки – вручили ему 200 рублей (на то время это был почти его двухмесячный заработок) и 500 крон на расходы в Дании.

«Шторм» год за годом

Подчиняясь нерушимым требованиям конспирации, за время своего существования оперативная игра сменила не одно название: «Аврал», «Спираль», «Искра», «Штурм» и, наконец, «Шторм». Не менялись только офицеры контрразведки, ведущие это дело, и исполнитель оперативного замысла. Вернувшись домой, он отправил открытку на подставной адрес с условным текстом, что все идет нормально. Так начался почтовый роман с ЦРУ.

Первый год, как и ожидалось, не был отмечен интенсивной перепиской. Вероятно, обе стороны анализировали опыт первых встреч, изучали полученные сведения, разрабатывали стратегию и тактику дальнейших контактов, способы проверки.

В ноябре того же 1966 г. председатель КГБ при СМ СССР Юрий Андропов обратился в ЦК КПСС с предложением провести операцию по дезинформации противника, используя возможности Плавина, по вопросам разработки и состояния ракетно-ядерного оружия в СССР. В те годы даже в оперативной работе КГБ действовал только по согласованию с партийными органами. А для таких серьезных мероприятий, как дезинформация противника по основным военно-техническим разработкам с выездом исполнителя замысла за границу и его прямыми контактами с представителями зару-

бежных спецслужб, требовалось согласование на самом вер-ху.

Конечно, в ЦК не докладывали ни имени нашего агента, ни страны, где проводились контакты – ничего, что могло бы даже при случайной утечке информации навести на след Плавина. Во всех документах, которые мне приходилось читать по этой оперативной игре, вместо имен, названий, цифр, дат и прочих важнейших сведений ставились пропуски, а конкретная информация вписывалась от руки, да и то в первые экземпляры.

Специальным постановлением ЦК КПСС, чего удостои-лись немногие чекистские операции, было санкциониро-вано продолжение оперативной игры, и с этого момента нача-лась подготовка чертежей, схем, текстовых разработок и фо-то для долговременных дезинформационных мероприятий. Меня поразил тот факт, что успешное проведение операции обеспечивали десятки, а может, и сотни людей, каждый из которых делал свое дело на каком-то определенном этапе, но вполне хватило бы пальцев на одной руке, чтобы сосчитать тех офицеров госбезопасности, кто знал всю тактику и стра-тегию этой уникальной игры, все нюансы и тонкости прово-димых мероприятий и объединял труд и усилия многих че-кистов.

Тем временем игра набирала обороты. Совместно со сво-ими кураторами из КГБ «агент» готовил микроточки с «сек-ретной информацией», заделывал их в открытки и направ-

лял по известным адресам – не более одного почтового отправления в каждый адрес – во все концы света. В ответ приходили открытки с такими же микроскопическими вложениями, где ему давались очередные задания или указывались новые адреса. В общем, шла рутинная, но крайне напряженная и кропотливая шпионская деятельность, которая приносила пользу нашей стране.

Вскоре появились ощутимые результаты работы. Тщательный анализ адресов, откуда на имя Плавина поступала корреспонденция, их проверка и постановка на почтовый контроль открыток и писем, обнаружение отдельных демаскирующих признаков помогли выявить американского агента, работающего на территории СССР и еще неизвестного нашей контрразведке. Американцами была допущена явная ошибка – один и тот же почтовый адрес они дали двум разным агентам. Фактически они подставили своего осведомителя, хотя нельзя и исключать возможности такой иезуитской проверки – если бы подставленный агент провалился, то Плавин тут же был бы «списан со счета». Или наоборот. Наши контрразведчики этот вариант предусмотрели и взяли выявленного агента под наблюдение.

Впоследствии американцы перешли и на другие каналы связи – использовали передачу кодированных сообщений по радио (на установленной частоте диктор зачитывал группы цифр, а Плавин потом расшифровывал сообщение при помощи шифроблокнота), а также применяли тайниковые за-

кладки.

Хранить вечно

Тем временем взаимоотношения между двумя сверхдержавами переживали взлеты и падения, похолодания и оттепели. В определенной степени сказывалось это и на ходе операции. У некоторых руководителей уже российских спецслужб, так называемой новой формации, проявлялся зуд завершить долговременную операцию либо международным шпионским скандалом с компрометацией американских разведчиков путем их поимки на тайниковой операции и получением очередных наград и званий за успешно реализованное мероприятие, либо прекращением оперативной деятельности и тихим свертыванием всей операции. Были даже конкретные указания закончить игру и прекратить все контакты Плавина с ЦРУ. Но руководители игры – контрразведчики, что называется, от Бога – продолжали свою работу по дезинформации американцев и получению ценных оперативных материалов.

Полностью выдерживая линию поведения, связанную с «меркантильными наклонностями агента», контрразведчики, чтобы не вызвать никаких подозрений у ЦРУ, были обязаны довести игру до логического конца. К тому же американцы постоянно информировали Плавина о значительной денежной сумме, хранящейся на его счете в одном из амери-

канских банков. В конце 1990 г. «агент» в качестве туриста выехал в Финляндию, где опустил в почтовый ящик посольства США заранее подготовленное письмо, в котором обуславливалась необходимость личной встречи с сотрудниками американской разведки на территории третьей страны.

На следующий год состоялась поездка в Швецию и посещение посольства США, где Плавина уже с нетерпением ждали. С ним встретился представитель посольства по имени Питер и сотрудник ЦРУ Чарльз Левин. Американцев интересовали вопросы политической ситуации в стране, в особенности – реакция населения на события ГКЧП, его последствия и отношение россиян к Борису Ельцину. В конце визита оговорили условия финансовых взаиморасчетов и назначили очередную встречу. «Агент» получил три тысячи долларов и одну тысячу шведских крон.

Через год, опять в Стокгольме, Плавин снова встретился с кураторами из ЦРУ и получил еще 10 тысяч долларов. Летом 1994 года – очередная встреча в Швеции, получено еще 25 тысяч долларов и 12 тысяч крон. Наконец, осенью 1995 года Плавин приезжает в Финляндию, где на встречу с ним выходит сотрудник ЦРУ по имени Жанна – тридцатилетняя голубоглазая дама, прекрасно владеющая русским и немецким языками. Встреча стала официальным завершением сотрудничества Плавина с американской разведкой. По просьбе Жанны «агент» подписал на русском и английском языках уведомление о прекращении конспиративных контактов, по-

сле чего стороны отметили сей знаменательный момент бутылкой финской водки и дополнительным гонораром в 25 тысяч долларов. Кроме того, Жанна сообщила Плавину, что на его счету в США лежит еще 52,2 тысяч долларов, заработанных ранее, и для их перевода необходимо открыть счет в одном из финских банков.

Примечательно, что когда впоследствии Плавин поехал в Финляндию забирать переведенные на его счет деньги, то на состоявшейся в столичной гостинице очередной встрече с Жанной та вручила ему премию в 20 тысяч долларов. Американская разведка высоко ценила своего «информатора».

Всего же «агент» получил от Лэнгли 53,5 тысячи рублей (официальный курс по тем временам составлял от 0,6 до 0,8 копеек за одну единицу американской валюты), а также 125 тысяч долларов.

Когда я задал Михаилу Моисеевичу вопрос о том, что он сделал со всем этим богатством, он ответил: «По акту сдал их сотрудникам контрразведки. А они должным образом оформили их получение и почти на всю сумму закупили высококлассное компьютерное оборудование, принтеры, сканеры и другую оргтехнику, укомплектовав ею свою службу. Если бы мои кураторы из ЦРУ узнали, на что были истрачены их деньги, наверное, позеленели бы от злости. Кстати, в июле 1998 года мне еще раз пришлось съездить в Финляндию и снять со счета последние десять тысяч долларов с набравшими процентами. Но с разведчиками из ЦРУ я боль-

ше не встречался».

В итоговой справке по операции, содержащейся в архивном деле, указано, что в ходе ее проведения выявлено 26 сотрудников ЦРУ, участвовавших в агентурных акциях, и 36 тайниковых мест для закладки контейнеров, из которых 28 в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и 8 в Москве. Также было установлено значительное количество мест, которые были выбраны сотрудниками американской разведки в Москве и Ленинграде для использования в качестве тайников и пр. От американцев получено 38 подставных адресов в США и 29 специально подготовленных открыток для нанесения фототайнописи на подставные адреса в других странах. ЦРУ передало «агенту» 3 вида фотопленок для нанесения тайнописи, 2 закамуфлированных под ингаляторы фотоаппарата, 2 флакона с жидкостью для проявления тайнописи, 6 шифроблокнотов, электронный прибор для преодоления помех в эфире и т. п.

И это далеко не полный перечень того, что вошло в результаты оперативной игры, на материалы которой наложена резолюция: «Материалы оперативной игры “Шторм” хранить вечно».

В свою очередь, главный герой атомного «Шторма» Михаил Плавин за время ее проведения был удостоен орденов Красной Звезды (июль 1976) и Трудового Красного Знамени (август 1986), знака «Почетный сотрудник КГБ СССР», грамоты председателя КГБ СССР и неоднократно поощрял-

ся денежными премиями.

Были и другие оперативные мероприятия и дела Ленинградского управления, которые по своим результатам и методике решения контрразведывательных задач вошли в историю работы питерских чекистов.

В октябре 1962 года ленинградские чекисты захватили с поличным помощника военно-морского атташе США в Ленинграде Р. Смита, который интересовался предприятиями ВПК в городе. При личном обыске у него обнаружили специальную аппаратуру для скрытой съемки и звукозаписи. Следует отметить, что традиционно военно-морские разведчики западных государств проявляли интерес к судостроительным заводам в городе на Неве и до Октябрьской революции, а особенно после нее.

Спустя десять лет, в 1972 году, были задержаны еще два американских дипломата – Мэнтроп и Кайм. В сентябре 1983 года взят с поличным при совершении действий, несовместимых с его официальным статусом, вице-консул США в Ленинграде Аугустенборг. Он был арестован в пригороде Ленинграда в момент изъятия из шпионского тайника контейнера с интересовавшими американскую разведку материалами.

В 1996 году сотрудниками Управления был задержан связник шведской военной разведки Хано Петер Гордстрем. Во время заранее назначенной встречи с российским гражданином, завербованным ранее, Гордстрем получил контей-

нер в виде матрешки с непроявленной фотопленкой, которая содержала 23 кадра с отснятыми секретными документами. Взамен он передал российскому гражданину 2 тыс. долларов США. Сразу после «сделки» оба были задержаны контрразведчиками.

В ноябре 1995 года питерскими чекистами был арестован бывший офицер Федерального Агентства Правительственной связи и информации (ФАПСИ) подполковник А. А. Дудин, вступивший в преступную связь с германской разведкой БНД с целью передачи особо защищаемой информации, представляющей государственную тайну. Тем самым была предотвращена попытка нанесения серьезного ущерба безопасности нашего государства. Военным судом за совершенное преступление предатель был приговорен к длительному сроку лишения свободы.

В 2005 году сотрудниками Управления был разоблачен агент спецслужб Эстонии, который осуществлял сбор секретной информации о российских разработках в сфере военного кораблестроения. На следующий год была пресечена попытка использования международного канала страноведческой и языковой подготовки кадров в интересах национальных разведывательных органов США³.

Примером контрразведывательного искусства стало проведение комплекса оперативных и следственных мероприятий по изобличению агента ЦРУ США Павлова. Детальный

³ «Большой дом» без грифа «секретно». 2-е изд. М.: Русь, 2012. С. 57.

разбор проведенных чекистских мероприятий по данному делу стал учебным пособием в системе профессиональной подготовки чекистов. Участники тех событий вошли в число сотрудников, составляющих легендарную историю органов безопасности на Неве.

И вновь для рассказа о «делах минувших лет» мы обратимся к творчеству журналистов, профессиональных работников пера, Андрею Копланову и Андрею Юдину. И побуждает нас к этому, во-первых, то, что они дают литературное описание хода реализации оперативного, а затем уголовного дела достаточно интересно и с эмоциональной окраской. Во-вторых, опубликованный текст рассказа тщательно выверен с точки зрения соблюдения государственной и служебной тайны.

«Инициативник», или «Игры патриота»

К середине 70-х годов прошлого века сотрудники Управления КГБ по Ленинграду и области столкнулись с новым, дотоле практически неизвестным явлением. Политика «разрядки напряженности» (на западный лад – «детанта»), расширение самых разнообразных контактов с государствами Запада, научные и технические обмены, участвовавшие заграникомандировки и посещение ряда крупных российских городов западными туристами привели к появлению так называемых «инициативников». Так на чекистском сленге на-

зывали тех наших сограждан, кто всеми правдами и неправдами искал выходы на представителей западных спецслужб, чтобы предложить свои услуги для шпионажа против собственной Родины. На основе личной выгоды.

Их было немного. Но они были. И появление этих «инициативников» служило тревожным признаком. Признаком серьезного кризиса моральных ценностей социалистического общества. Признаком распада Системы.

...В апреле 1992 года в консульство Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге вошел человек, которого можно смело назвать «инвалидом холодной войны».

Рольф Дениэл – спецагент

История падения

Эта история началась в далеком 1981 году. Тогда советский инженер-атомщик Юрий Павлов еще не стал агентом, которому кураторы из Си-Ай-Эй присвоили псевдоним «Рольф Дениэл». Он еще не рисовал губной помадой условные знаки на стенах ленинградских домов, не пересчитывал иностранные купюры, не заполнял каллиграфическим почерком листы бумаги и не учился закладывать украденную информацию в тайники.

Юрий Васильевич Павлов, выпускник физико-механического факультета Ленинградского политехнического института, много лет проработал в организациях, так или иначе

связанных с советским Военно-морским флотом и созданием надводных и подводных кораблей. Что подтолкнуло его к действиям, которые он предпринял в дальнейшем, можно только гадать. Пересмотр убеждений? Кризис среднего возраста? Желание добавить перца в жизнь, которую он считал пресной? Стремление выбить себе любыми путями «место под солнцем», достойное его талантов? Авантюризм?..

Помните, что это был за год? Эпоха Брежнева, самый ее излет. Сейчас ее называют «годы застоя». Впереди, совсем не за горами, маячило то, что позже с сарказмом будет названо «пятилеткой пышных похорон».

Трудовая деятельность Юрия Павлова началась при другом правительстве – Никите Сергеевиче Хрущёве, который твердо заверил с трибуны партийного съезда, что коммунизм в СССР будет построен уже в 1980 году. Советским людям оставалось жить, трудиться и верить. Казалось, все к тому и идет: мир восхищенно рукоплескал первому космонавту Юрию Гагарину, молодежь поднимала целину, а чиновники от культуры уже не повторяли вздорное: «От саксофона до ножа – один шаг!»

За переменами в жизни страны Павлов наблюдал из «далекого, но нашенского города» – после окончания Политеха он получил диплом инженера по разработке корабельных ядерных паропроизводящих установок и был распределен во Владивосток. Отсюда в 1961 году молодой специалист отправился на корабле «Витязь» в свою первую научно-ис-

следовательскую экспедицию. Ему довелось побывать в Японии, на островах Фиджи, Таити и на Гавайях. Даже произнести эти названия вслух – уже счастье!..

Через некоторое время Павлов возвращается в родной Ленинград и устраивается на работу в главное управление Морского регистра СССР. Здесь за пять лет он вырастает до главного инженера-инспектора атомной инспекции. Хрущев к тому времени уже снят со своего поста «группой товарищей» и мирно живет персональным пенсионером на правительственной даче. Повторять его слова, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», никто из вождей больше не решается. В народе все чаще звучит поговорка «красиво жить не запретишь», а советские нувориши к середине 70-х годов перестают прятать свое богатство от людских глаз.

Казалось бы, у Павлова нет причин быть недовольным. Работа в Морском регистре СССР предполагает заграничные командировки. Павлов включен в рабочую группу по разработке международного кодекса по безопасности мореплавания атомных судов. Он четырежды побывал в Лондоне, выезжал в Оттаву, Гамбург и Геную. Большинство его сограждан о таких поездках в «мир капитализма» даже не мечтают – их удел просмотр телепередач «Клуб кинопутешествий» и «Международная панорама».

Тем не менее Юрий Васильевич недоволен. «Даже заняв руководящий пост и став одной из центральных фигур в ин-

спекции Регистра, – рассказывал он на следствии, – я не был удовлетворен, прежде всего материально». Встречаясь со своими иностранными коллегами-учеными, Павлов отметил, что они живут гораздо зажиточней. Вдобавок ему никак не удается защитить кандидатскую диссертацию, которая сулит пусть скромную, но прибавку к зарплате.

Осенью 1981 года Павлов резко меняет свою жизнь. Из Морского регистра он переходит на работу в Арктический и Антарктический НИИ Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды. Причина банальна: институт отправляет свои научно-исследовательские суда в заграничье, за которые выплачивают валюту.

...В качестве начальника радиохимической лаборатории Юрий Васильевич Павлов поднялся на борт научно-исследовательского судна «Профессор Визе», чтобы отправиться в заграничье в составе экспедиции Госкомгидромета.

«Профессор Визе» был превосходным судном. Скорость – 18 узлов, длина – 124 метра, ширина – 17,5 метра. Водоизмещение – 7 тысяч тонн, экипаж – 86 человек. На верхней палубе – шлюпки, глубоководные лебедки, научное оборудование, установки для запуска метеорологических ракет, есть даже стол для пинг-понга. Научные и прочие совещания проводятся в конференц-зале. В каютах с вентиляторами и кондиционером живут по два-три человека. Всюду в изобилии душевые. На судне установлены даже «успокоители» качки – о морской болезни здесь и не слыхивали.

Судно от килия до клотика было начинено всевозможными лабораториями, где проводились метеорологические, физические, химические, биологические и прочие научные исследования, что делало «Визе» уникальным полярным судном и предметом особой гордости Ленинградского арктического и антарктического института.

Письмо в никуда

«Балтика была спокойна, мы раскланивались со встречаемыми судами и миля за милей приближались к датским проливам. Их ожидали с особым нетерпением: чье сердце не дрогнет при мысли о том, что ты собственными глазами увидишь замок Гамлета, легендарный Эльсинор?..» – записал в своем дневнике один из участников рейса на «Профессоре Визе», находясь в первом своем походе на этом судне. Некоторые сердца, как выяснилось, не дрогнули.

Ученые всегда отличались свободомыслием, везде и во все времена. Те, что собрались на борту «Профессора Визе», не были исключением. Анекдоты, разговоры о политике, резкая критика правящего режима – все это, как говорится, имело место. Но почему же предателем стал именно он, Павлов?..

Первым иностранным портом на пути «Профессора Визе» стал норвежский Олесунн. Как только судно ошвартовалось, экипаж и ученые отправились побродить по городу – заглянуть в магазинчики, приобрести сувениры, прогулять-

ся по набережной, где совсем не чувствуется качка.

Вместе со всеми отправился и Юрий Павлов. Однако цель его похода была совсем иной. Он не приценивался к товарам, не любовался неброской красотой северных берегов. Он искал контакты. Контакты с представителями иностранных государств.

И, как ему казалось, нашел. Гуляя по тихому норвежскому городку, Юрий Васильевич набрел на здание консульства Федеративной Республики Германии. Но внутрь Павлов благоразумно решил не заходить. Он спешно вернулся на теплоход и, закрывшись в своей каюте, начал писать. Результатом стала отнюдь не научная статья, не дневниковые записи о пройденных милях и даже не письмо домой. Юрий Васильевич предлагал свои услуги спецслужбе ФРГ. К письму он приложил дальнейший маршрут «Профессора Визе» и свой словесный портрет, чтобы его могли опознать при встрече.

Позже, уже после разоблачения, Павлов, разумеется, станет уверять, что предательство ни в коем случае не входило в его планы. Все это он якобы затеял исключительно для того, чтобы, вступив в контакт с западными спецслужбами, поставить об этом в известность Комитет госбезопасности и начать контригру – «гнать» иностранным разведкам дезинформацию... Вот только первая и вторая части его плана очень сильно разошлись во времени. К тому же в письме, которое он сочинил на борту «Профессора Визе», свое стремление вступить в контакт с представителями ФРГ он мотиви-

вировал совсем иначе – ненависть к Советской власти и материальные затруднения.

Напомним, это был 1981 год. Закат эпохи Леонида Ильича Брежнева.

...В своем письме в консульство ФРГ, чтобы заинтересовать собой немецкую разведслужбу, Юрий Васильевич вполне по законам рынка «показал товар лицом». В частности, подробно рассказал об активных зонах ядерных реакторов советских атомных подлодок. Намекнул, что осведомлен о ведущихся в СССР разработках по поиску американских атомных субмарин по радиоактивному следу. (Все эти сведения он собрал, когда работал в Морском регистре СССР и постоянно встречался с «закрытыми» учеными, судостроителями, флотскими офицерами.) Наконец, Павлов упомянул о работах по проектированию новейших советских подлодок и боевых кораблей. На такую жирную «наживку» должны были непременно клюнуть те, на кого он рассчитывал.

Сведения, разглашенные Павловым, содержали государственную тайну. Мог ли он об этом не знать? Вопрос сугубо риторический. И неужели он всерьез вообразил себя Штирлицем, ловко обыгрывающим и немецкую Федеральную разведслужбу, и британскую Интеллидженс Сервис, и, конечно же, «тупоголовых янки» из ЦРУ? «Еще в шестидесятых годах я мечтал о работе в органах госбезопасности, – сообщил Павлов следствию. – Стремление это появилось у меня еще в юношеские годы, и я не раз обсуждал его со своим отцом –

кадровым чекистом. Позже я советовался на этот счет с друзьями отца, обращался в Управление КГБ СССР по Ленинградской области».

Однако при попытке поступить на службу в органы госбезопасности Павлов не прошел медкомиссию – подвело зрение. Впрочем, с чекистами Юрий Васильевич старался поддерживать добрые отношения. Возвращаясь из-за границы, где он участвовал в международных конференциях и симпозиумах, Павлов писал подробные отчеты в «компетентные органы», сигнализируя о поведении своих коллег.

А сейчас, отправив письмо в консульство, он замер в тревожном ожидании.

Но шли дни, научно-исследовательская экспедиция завершилась, а никто в его отношении никаких действий не предпринимал и на связь с ним так никто и не вышел. В чем же причина? Его сведения уже известны тем, кто собирает разведанные о Советском Союзе? Его сочли шизофреником или «подставой» КГБ? Он терялся в догадках.

В середине марта 1982 года «Профессор Визе» отправился в очередной рейс. Судно вышло из ленинградского порта, взяв курс на Гамбург.

Во время стоянки на контакт с Павловым никто не вышел. Сойдя с судна в порту, все, кому на этот раз посчастливилось быть в увольнении, организованно устремились в торговые центры. Собрался за покупками и Павлов – его группа отправилась в недорогой универмаг «Карштадт». Там-то,

среди толпы покупателей, к нему и подошел неизвестный. В качестве опознавательного знака он предъявил Павлову конверт письма, которое тот отправил в консульство ФРГ в Оленсунне.

Пожилой мужчина заговорил первым. Выяснив у Павлова, куда направляется в дальнейшем судно, он пообещал поговорить подробнее уже в Санта-Крус-де-Тенерифе. Затем незнакомец растворился в толпе, предварительно вложив в руку Павлова конверт.

Возвратившись на борт «Профессора Визе», Павлов уединился в каюте и вскрыл конверт. Оттуда выпал ворох радужных купюр – 800 дойчмарок.

Вскоре судно продолжило свой рейс, взяв курс на Южную Америку. Потянулись будни, заполненные работой. Иные берега, смена впечатлений, новые виды, новые надежды...

Канары, Рио, предательство

На Канарские острова «Профессор Визе» пришел 12 мая 1982 года. Здесь произошла вторая встреча Павлова с «пожилым» – так он его для себя окрестил.

На этот раз, дважды попавшись Павлову на глаза на одной из шумных улочек и в автобусе по дороге из города в порт, незнакомец незаметно передал пакет, в котором содержалось послание. Павлову предлагалось остаться за границей навсегда. Был в конверте и очередной «гонорар» – 300 дойчмарок, 150 гульденов и 4000 испанских песет (словно «пожилой»

пошарил по своим карманам и скинул всю мелочь).

Павлов не ожидал столь крутого поворота. Уйти с судна он не решился.

Прощаясь, «пожилой» снова не оставил ему никакого конкретного задания. Как, впрочем, и никаких координат для связи. Павлов снова терялся в догадках: доверяют ли ему, интересен ли он тем, с кем рассчитывал войти в контакт. Да и состоится ли вообще новая встреча?

Судно возвратилось в Советский Союз. На контакт с Павловым никто не выходил.

...В ноябре 1982 года Павлов должен был отправиться из Ленинграда в следующую экспедицию – на этот раз на судне «Профессор Зубов». Чем ближе была дата ухода судна, тем беспокойнее он себя вел, одновременно боясь расплаты за то, что уже совершил, и теряясь в догадках, почему те, кто встречался с ним, ведут себя так осторожно и пассивно.

Ему оставалось только ждать. И он все-таки дождался.

Контакт состоялся, когда судно пришло в Копенгаген. «Пожилой» встречал своего советского подопечного в порту. Чему Павлов был крайне удивлен, ведь о заходе в Данию он не предупреждал, о дате следующей встречи не договаривался. Для Павлова оставалось загадкой: откуда «пожилой» мог узнать о том, что он сменил судно? Ведь прежде он выходил в экспедиции на «Профессоре Визе».

«Пожилой» поинтересовался (это постепенно становилось доброй традицией), нуждался ли Павлов в деньгах. При

расставании он вручил сложенный вдвое лист бумаги и, мягко улыбнувшись, попросил Юрия Васильевича ответить на содержащиеся в нем вопросы.

Вопросы были разные. Часть носила сугубо личный характер. Другие касались служебной деятельности. В частности, составителей анкеты интересовал уровень образования Павлова, включая и политическое, места жительства (просили перечислить все города, в которых Павлов жил и работал), а также список предыдущих мест работы и адрес постоянного проживания. Не нужно было быть выдающимся аналитиком, чтобы сообразить: на основе этих данных пытались определить его ценность как агента.

На следующий день к Павлову подошел высокий светловолосый мужчина, который должен был забрать заполненную анкету (он получил от Павлова прозвище «молодой»).

А когда судно пришло в Бразилию и отшвартовалось в Рио-де-Жанейро, Павлова уже ждали. Встречал его «молодой». Впервые с того момента, когда Павлов вступил в контакт с иностранной спецслужбой, ему передали список вполне конкретных «технических» вопросов. Их было несколько десятков. Почти все касались кораблей советского Военно-морского флота. В первую очередь атомных – надводных и подводных. В частности, составители вопросника очень хотели знать мощность ядерной установки крейсера «Киров», а также советских атомных подлодок водоизмещением более тридцати тысяч тонн. Интересовали их и подробности ава-

рии на одном из ядерных объектов на территории Советского Союза. Кроме того, его попросили рассказать о некоторых особенностях управления реакторами.

Позже задержанный и разоблаченный Павлов, давая показания, признается следователю УКГБ, что он не думал, что ему «так быстро придется отвечать на столь обширные вопросы»...

Передан... по наследству

15 февраля 1983 года научно-исследовательское судно «Профессор Зубов» пришло в уругвайский порт Монтевидео. Здесь Павлов снова встретился с «молодым». Ему была передана очередная сумма в валюте, а также письмо, в котором Павлов уведомлялся о том, что впредь ему предстоит работать с представителями американской разведки. В общем, его передали с рук на руки, как наскучившую подружку, тем, кому он показался более интересным. Ведь у западных немцев не было боевого океанского флота. То ли дело США...

На отдельном листе американцы по-бухгалтерски подробно расписали условия сотрудничества с американцами. На его банковский счет, судя по уведомлению, должны были ежемесячно перечисляться по 2 тыс. долларов, кроме того, по 10 тысяч долларов за каждый год работы. Обещались даже отдельные премии (тоже по 10 тысяч долларов) за выполнение «особо важных заданий».

Сам акт передачи агента произошел достаточно буднич-

но. На следующий день, во время прогулки по городу, «пожилой» представил Павлова его новому куратору – коллеге из ЦРУ. Павел (так назвался американец) прилетел в Монтевидео специально для встречи с Юрием Васильевичем.

«Пожилой» передал американцу конверты с результатами ночных «писательских трудов» Павлова и поинтересовался, нуждается ли «русский друг» в деньгах. Юрий Васильевич предложил переводить деньги на его счет, открытый за рубежом. И вновь получил конверт – с очередным списком вопросов и 900 долларами.

Как позже заявлял Павлов на следствии, «кажется, тогда я впервые понял, что такое страх. От меня требовали важных сведений в пользу разведок Соединенных Штатов и Германии. Я понял, что зашел очень далеко».

Следующую стоянку «Профессор Зубов» сделал в апреле на острове Маврикий. В Порт-Луи Павлова встретил связной-мексиканец. Он забрал у Юрия Васильевича листок с подробными ответами на поставленные вопросы и передал очередное письмо-наставление от ЦРУ. Новые хозяева были более напористы, чем западные немцы. Они весьма настойчиво интересовались, какую форму допуска Павлов имеет и к какой именно информации, в каком виде она хранится, есть ли у него возможность оставаться с секретными документами наедине. У Павлова требовали также данные на всех его знакомых, которые по долгу службы имели доступ к военным секретам. Здесь же, в письме, были адрес и номер

телефона для связи и вхождения в контакт во время зарубежных экспедиций Павлова – «Нью-Йорк, 112063, США».

Американцы сочли своего агента ценным кадром. Павлову был присвоен оперативный псевдоним – «Рольф Дениэл». Впредь в контактах с представителями ЦРУ ему предлагали называть себя именно так. «Никогда не упоминайте Вашего подлинного имени ни в телеграмме, ни по телефону, а только – Рольф Дениэл». Кроме того, ему присвоили еще и персональный номер – «2». Этой цифрой Павлов должен был помечать в условных местах в Ленинграде, что он готов к изъятию и закладке контейнеров.

Отвечая на вопросы новых хозяев, Павлов начал перечислять различные «закрытые» конструкторские бюро и НИИ, а также козырять именами видных ученых, которые якобы высоко ценили его способности. В общем, занялся откровенной саморекламой. Он пытался создать о себе мнение как о перспективном объекте вложения средств. В частности, сообщил совершенно секретные данные о подводных лодках. Излишне говорить, что на тот момент они составляли государственную тайну.

Вскоре «Профессор Зубов» бросил якорь в датском Копенгагене. Здесь свежеиспеченный агент ЦРУ получил от своих кураторов блокнот с тайником. В переплет были заделаны инструкция и предупреждение о том, что он должен ждать важного задания.

Советскую таможеню Юрий Васильевич миновал благопо-

лучно. Но с этого момента за ним постоянно, но очень ненавязчиво наблюдали. Сам Павлов, не подозревавший о том, что попал в сети не только иностранной спецслужбы, но и ленинградского УКГБ, оставался на свободе только потому, что задержать его сейчас значило «обрубить концы» и лишиться возможности выйти на тех, кто «дергает за ниточки», – на его зарубежных хозяев. Сам же он был не более чем разменной фигурой в шахматной партии. Причем роль ему хозяева отвели незавидную. Как дешевому одноразовому изделию.

Зачем агенту губная помада?

Летом 1983 года в самый центр Ленинграда, на Владимирскую площадь, выехала бежевая «хонда» с дипломатическими красными номерами. За рулем сидела молодая миловидная женщина. Дама припарковалась, поставив машину багажником к тротуару (для того, чтобы удобнее было выезжать), а сама отправилась на Кузнечный рынок. Безобидная, в общем-то, сценка...

На самом деле она означала, что агенту ЦРУ Рольфу Дениэлу необходимо срочно выехать в Москву – там его ждут новые инструкции.

Оперативники КГБ, которые вели наружное наблюдение за «Рольфом Дениэлем», отметили, что он нарушил инструкции своих хозяев: не стал, как ему было предписано, наблюдать за положением автомобиля, проезжая в троллейбусе по

Владимирской площади, а пришел на место пешком, причем со стороны Невского проспекта.

«Прочитав» условный знак, Рольф Даниэл отправился в Москву. Контакт поздним вечером в Измайловском парке. Здесь четыремя днями ранее сотрудники посольской резидентуры Алекс Гришек и Филип Рейнолдс, вымокнув под проливным дождем буквально до нитки, заложили на берегу пруда шпионский контейнер. Внешне он ничем не отличался от увесистого камня, но внутри был набит аппаратурой и документами. Рольф Дениэл извлек оттуда шифровальные блокноты, таблетки для тайнописи, 1000 рублей на карманные расходы, расписание радиосеансов.

Самым любопытным было устройство для приема радиосообщений на обычный «бытовой» радиоприемник. Это был последний писк шпионской моды – «технари» из ЦРУ придумали новый метод с использованием аппаратуры, работающей в режиме быстрогодействия. Иными словами, шифрованный текст, для передачи которого требовалось, скажем, несколько минут, сначала искусственно «сжимали», а затем буквально за доли секунды «выстреливали» в эфир. Поэтому контрразведчикам было труднее его засечь. Но расшифровать такие передачи можно было только с помощью специальной приставки. Она обеспечивала прием и передачу радиограмм в автоматическом режиме. Даже в отсутствие агента.

Кроме того, в «булыжнике» Павлов нашел новый план

связи с эскизами упомянутых в нем ленинградских мест, подробные инструкции и, разумеется, новый вопросник для сбора информации.

Однако первым с содержимым контейнера ознакомился вовсе не Павлов-Дениэл.

Первыми его изучили контрразведчики КГБ.

Павлову позволили беспрепятственно забрать шпионский контейнер и возвратиться в Ленинград. Там, в условленном месте, он выставил сигнал о получении инструкций и снаряжения.

Затем он взялся за изучение инструкции.

«Дорогой друг, – сообщали кураторы из Лэнгли, – в этом пакете мы снабдили Вас всеми необходимыми материалами для передачи нам важной информации. Просим Вас как можно скорее дать сигнал о благополучном изъятии этого контейнера».

В полученных инструкциях речь шла о конкретных заданиях, которые надлежало выполнить Дениэлу: «Первое приложение. Описание места «вход в Ленинграде». От метро «Гостиный Двор» езжайте трамваем № 2 или № 3 по Садовой улице по направлению к Неве. Сойти из трамвая немедленно после того, как переедете Мойку. Вернитесь к Мойке, поверните налево и идите к Фонтанке. Перейдите через мост Пестеля и продолжайте идти по южной правой стороне улицы Пестеля. После того как улица повернет налево, а потом направо, Вы увидите сводчатый проход, у которого справа

обозначен адрес “дом 11, улица Пестеля”. После 21:00, когда никого не будет, войдите в проход и пометьте ваш сигнал темным карандашом, губной помадой или подобным веществом, на левой, внутренней стороне каменной стены. На уровне пояса, на 20 см вглубь от тротуара».

Сигнал предлагалось расположить таким образом, чтобы он был виден из машины, перемещающейся по улице Пестеля в восточном направлении. Как только сигнал будет нанесен на стену, Рольфу Дениэлу предписывалось немедленно покинуть район. Места постановки сигналов были выбраны не случайно: все они располагались на маршруте, по которому работники генконсульства США, проживавшие в Ленинграде, добирались до места своей работы.

В контейнере также находилось несколько писем, составленных якобы от имени американских туристов, побывавших недавно в СССР. Письма предлагалось использовать для переправки зашифрованных сообщений по почте.

Были в контейнере также и очередные «Информационные задания». В вопроснике предлагалось «составить список всех сотрудников конструкторских бюро, производственных предприятий и районов испытаний, о которых Вам известно, что они связаны с военно-морскими научными исследованиями».

«О каких военных надводных и подводных атомных кораблях Вам известно, сообщите их данные».

«Опишите подробно подводные лодки “Золотая рыба”,

“Тайфун” и “Акула”».

Всего вопросник, разработанный в штаб-квартире ЦРУ, содержал 44 вопроса, касающихся разработки и тактико-технических характеристик кораблей советского ВМФ.

Провал Аугустенборга

Ответы на часть вопросов из контейнера, полученного в Измайлово, Рольф Дениэл сумел подготовить только к началу сентября.

Вечером 10 сентября он сел в рейсовый автобус Ленинград – Зеленогорск и отправился в условленное для закладки контейнера место – на сороковой километр Приморского шоссе. Именно этот адрес содержался в инструкции ЦРУ. Приморское шоссе выбрали не случайно: сотрудники американского генконсульства добирались по нему до своей дачи в Зеленогорске. Вдобавок местность вокруг была открытой и хорошо просматривалась со всех сторон. Подойти сюда незамеченным было практически невозможно.

Кроме того, рядом располагалась автобусная остановка, где можно было, не привлекая внимания, наблюдать за происходящим. К остановке и от нее постоянно передвигались люди. В начале сентября в этих местах всегда оживленно: гуляют отдыхающие из окрестных санаториев, рыщут по лесу грибники...

В качестве контейнера для собранной информации Рольф Дениэл решил использовать консервную банку, которую за-

вернул в промасленную ветошь. Такие тряпки нередко валяются у обочины. Посторонний, находясь в здравом уме и твердой памяти, подобную «посылку» даже в руки не возьмет, чтобы не испачкаться...

Чем меньше оставалось времени до «часа X», тем больше нервничал Рольф Дениэл. Он вышел из автобуса и побрел к знаку, возле которого ему предстояло заложить тайник. По дороге он озирался по сторонам и несколько раз прошел мимо нужного ему столба... Заложив контейнер, Павлов возвратился в город и отправился на проспект Добролюбова, которому было присвоено кодовое название «Добро». Здесь в условленном месте он нанес помадой цифру «2». Это означало: «Информация заложена, можно забирать».

К тому времени были взяты под плотный контроль сотрудники резидентур ЦРУ в Москве и Ленинграде, которые работали с «Рольфом Дениэлом».

Неудачный исход операции оперативники УКГБ исключали напрочь. Сказать, что работа для этого была проведена огромная и в самые сжатые сроки, – все равно, что не сказать ничего. Спустя всего несколько часов, после того как Павлов заложил свою информацию в тайник, в одном из районов Ленинградской области, местность которого до мелочей походила на место проведения операции, был оборудован полигон. Здесь немедленно приступили к тренировкам будущие участники захвата.

Главный упор чекисты сделали на внезапность и скрыт-

ность. В Большом доме создали временный штаб, куда немедленно поступала вся информация. В его состав вошли руководители подразделений С. Е. Мануйлов и Ф. А. Мясников. Для участия в операции из Москвы прибыла спецгруппа во главе с генерал-майором Рэмом Красильниковым, начальником первого («американского») отдела Второго главного управления КГБ СССР. Оперативники работали всю ночь напролет. Не уходил из своего кабинета и начальник Управления генерал-лейтенант Д. П. Носырев. Однако окна всех кабинетов, выходящих на Литейный проспект, были, как обычно по выходным, непроницаемо темны, а само здание выглядело спящим.

Незаметная постороннему глазу работа велась и на Приморском шоссе. Непосредственно под тем местом, где «Рольф Дениэл» должен был заложить шпионский контейнер, сотрудники КГБ вырыли и оборудовали три бункера. При этом чекисты строго соблюдали конспирацию – место оживленное, по шоссе постоянно движется транспорт. Про сложность и уникальность операции говорит тот факт, что за ночь оперативники выкопали и вынесли 800 (восемьсот!) мешков земли. Причем настолько аккуратно, что на поверхности не осталось ни одного комочка потревоженной почвы, не был сдвинут с места ни один камень. Во многом помогла и русская смекалка. Например, для прокладки телефонного кабеля был использован... терьер, домашний любимец одного из оперативников.

А потом в бункер засела группа захвата. В засаду на долгие-долгие часы. Выдай они себя звуком или движением – и операция могла сорваться. А у них над головами бродили грибники, сновали к остановке и обратно пассажиры пригородных автобусов. И никто из них ничего не заметил...

Утром следующего дня, 11 сентября, сотрудник генконсульства США Ричард Мюллер отправился на своем автомобиле в сторону проспекта Добролюбова. Возле условленного места он вышел, «считал» выставленный знак, снова уселся в машину и покатыл в сторону Зеленогорска. Туда, где еще с пятницы отдыхал со своим семейством его коллега, вице-консул Лон Дэвин Аугустенборг, по совместительству – сотрудник оперативной резидентуры ЦРУ в Ленинграде.

Примерно через сорок минут после приезда Мюллера на дачу из ее ворот выехала бежевая «хонда». В ней находились сам господин вице-консул, его супруга Дениз и их двухлетняя дочь. Семейство Аугустенборгов почему-то внезапно приняла решение возвратиться в город. Неподалеку от пансионата «Дюны» машина остановилась, открылась дверца, и на обочину вышла супруга дипломата. Та самая посетительница Кузнечного рынка. В руках она держала детское одеяльце... Миссис Аугустенборг развернула его, намереваясь вытряхнуть, но вытряхнула весьма неудачно – одеяло как бы случайно выскользнуло из рук и упало. Причем точно накрыв валявшуюся под столбом промасленную тряпку. Всплеснув «от досады» руками, дама подняла одеяло, заод-

но захватив и ветошь с жестянкой.

Когда она попыталась сесть в машину, рядом с ней (в буквальном смысле – из-под земли) выросли суровые мужчины. Не ожидавшая их появления Дениз сильно перепугалась. Сначала она судорожно прижала к себе одеяло, но секунду спустя уже опомнилась и попыталась отбросить в сторону. Однако была вежливо, но крепко схвачена за руки. Тем временем Аугустенборг, оставшийся в машине, попытался скрыться с места происшествия – он даже не собирался помогать своей супруге. Но далеко уехать ему не дали.

(Кстати, кинокамера, на которую сотрудники КГБ вели оперативную съемку задержания, ныне хранится в филиале Государственного музея политической истории.)

Взятых с поличным супругов доставили в Управление КГБ, в Большой дом. Надо сказать, что обходились с ними весьма предупредительно: даме, пережившей сильный стресс, вызвали медсестру, а их ребенку – няню.

Здесь, на Литейном, 4, в присутствии представителя советского Министерства иностранных дел и срочно вызванного вице-консула США чекисты вскрыли контейнер со шпионской информацией, собранной Рольфом Дениэлом. Томясь в ожидании окончания формальностей, дама постоянно повторяла, словно стараясь убедить себя: «Для того чтобы все выбросить, нужно несколько секунд. Но у меня их не было!!!» Задержание действительно было проведено блестяще. Вот и представитель генконсульства даже не попытался что-

либо опровергать. Только сухо выразил сожаление по поводу произошедшего...

Собранных доказательств оказалось более чем достаточно. Уже на следующий день, 12 сентября 1983 года, обвиненный в шпионской деятельности господин дипломат был объявлен персоной нон-грата. И вместе с семьей выслан из СССР. Был вынужден бесславно вернуться в США и его шеф Ричард Мюллер.

Об удачной операции ленинградских чекистов сообщили газеты. Одна из них, «Вечерний Ленинград», попала на глаза Рольфу Дениэлу. Он пробежал глазами заметку, и его опасения скорого провала материализовались.

Бежать? Уйти в экспедицию и сойти с судна в зарубежном порту?

Но кто теперь даст ему возможность выйти в рейс?..

Связь через костел

Павлов-Дениэл считал, что предоставлен самому себе. На самом деле чекисты решили оставить его на свободе, чтобы понаблюдать за его дальнейшими действиями.

Он отчаянно ищет выход из создавшейся ситуации, веря и не веря в возможность провала. Потеряв всякую осторожность, он несколько раз побывал у здания генконсульства США на улице Петра Лаврова (ныне Фурштадская), осмотрел подходы, пытаясь каким-то образом восстановить утраченный контакт со своими работодателями.

Между тем шел день за днем, а его никто не задерживал.

Тогда Павлов решает выйти на американцев с помощью... Господа Бога. Ему приходит в голову, что с иностранными дипломатами, которые в большинстве своем принадлежат к различным религиозным конфессиям, могут общаться служители костела или синагоги. И он начинает часто бывать на Лермонтовском проспекте. Впрочем, с визитом в синагогу ему явно не везет – как только он туда входит, двое молодых мужчин ненавязчиво начинают интересоваться целью его посещения. Павлов покидает синагогу и больше туда не возвращается.

Более перспективным каналом ему показался католический костел в Ковенском переулке. Сначала он издали наблюдает за мрачным кирпичным зданием с вытянутой вверх остроконечной крышей. Наконец «вычисляет» настоятеля – мужчину лет шестидесяти. После мучительных колебаний решает обратиться к нему с письмом.

«Святой отец, только крайние обстоятельства заставили меня обратиться к вам, – пишет он священнику, – поверьте, речь идет о жизни и смерти. Умоляю вас передать этот пакет в американское консульство. Только не пользуйтесь телефоном. Если у вас нет такой возможности, прошу вас все сжечь. Да поможет вам Бог».

К посланию Павлов приложил номер «Вечёрки», газеты «Вечерний Ленинград», с текстом сообщения о задержании Аугустенборга. И второй конверт – с письмом в американ-

ское консульство. Оба письма он бросил в почтовый ящик. Потянулись тоскливые дни ожидания. Однако на связь с ним никто не спешил. Тогда Павлов решил, что он попросту брошен своими покровителями. Что, в общем-то, соответствовало действительности.

Тем не менее Павлов-Дениэл никак не желала в это поверить. Отчаявшись, он решил пойти на личный контакт, уповая только на удачу и везение. 26 июня 1984 года он написал очередное письмо со слезным призывом: «Я – Рольф Дениэл. Пожалуйста, уведомите индастриел 112063, Нью-Йорк. Помогите мне!»

Обратиться напрямую к коллегам Аугустенборга – ход более чем рискованный. Но другого способа привлечь к себе внимание Рольф Дениэл не видел.

На следующий день, 27 июня, он отправился на улицу Петра Лаврова. Здесь, возле генконсульства США, Юрий Васильевич Павлов (он же «Рольф Дениэл») был задержан и доставлен на Литейный, 4, в Управление КГБ.

Следствие длилось полгода. Работой бригады следователей-чекистов руководил майор Виктор Черкесов. За участие в этой операции он был награжден орденом Красной Звезды. Боевые ордена и медали вручили еще нескольким следователям УКГБ. Их имена не разглашаются даже сегодня, спустя много лет...

Чужой для всех

Точка в этом деле была поставлена 19 апреля 1985 года Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил Павлова Юрия Васильевича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 64, п. «а» УК РСФСР, к 15 годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией всего имущества и ссылкой на 5 лет.

Ущерб стране, нанесенный этим человеком, трудно выразить конкретной суммой. Миллионы рублей? Миллиарды? Еще труднее подсчитать тот ущерб, который мог быть нанесен «Рольфом Дениэлом», если бы ему удалось продолжить свою работу в пользу иностранных разведок.

По приговору суда он должен был провести за решеткой оставшуюся часть столетия. Но после августа 1991 г., когда рухнул СССР, многое изменилось. И, увы, не всегда в лучшую сторону. Произошли метаморфозы и с Павловым. «Борца с тоталитарным режимом», «выдающегося ученого, ставшего жертвой Системы»... выпустили на свободу.

В один из дней апреля 1992 года мужчина в потертой куртке долго ходил по улице Петра Лаврова, не решаясь переступить порог консульства Соединенных Штатов Америки. После мучительных колебаний все же решился войти... И вышел оттуда буквально через минуту, после чего ушел от здания не оглядываясь.

Говорят, что еще много лет после провала Аугустенбор-

га кто-то регулярно подновлял губной помадой сигнальную павловскую «двойку» на доме № 11 по улице Пестеля.

Зачем? А чтобы помнили... Ведь американские «дипломаты» продолжали ездить этой улицей к себе в генконсульство.

Нелегал раскрывает тайны

В этом году 21 июня в Москве умер выдающийся советский разведчик ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДРОЗДОВ. В этой книге мы решили опубликовать одно из последних его интервью. Светлая память...

12 лет генерал Юрий Дроздов был командиром всех наших разведчиков-нелегалов. Его воспоминания из ряда информации, на которой стоит гриф «совершенно секретно».

Кадр видео. РИА Новости

Он и сам много лет был нелегалом. Но еще до этого, в 19 лет, младший лейтенант Юра Дроздов получил первый боевой орден. 25 апреля 1945 года его истребительный гвардейский противотанковый дивизион на берлинской Шифель-бейнерш-трассе в упор расстрелял немецкие пушки, пять пулеметов, зенитное орудие и десятки солдат противника.

Но Дроздов не стал профессиональным военным, как его отец – офицер, георгиевский кавалер, воевавший и в Первую и во Вторую мировую. Юрия Дроздова выбрала разведка.

Он появлялся в Западной Германии то в роли неистового эсэсовца барона Хоэнштейна, то в облике инспектора Клейнерта. Ему бы поверил и Станиславский, когда, освобождая арестованного полковника-нелегала Абеля-Фишера, Дроздов сыграл роль его кузена Дривса. Он возглавлял резидентуры внешней разведки в Китае и США. А с 1979 по 1991 год генерал Дроздов командовал святой святых разведки – нелегалами.

Юрию Дроздову – 91 год. Сейчас просить Юрия Ивановича о встрече неловко. Но обратиться к нашим многочисленным беседам – можно. Слово – самому генералу.

О царских шпионах и верности присяге

– Все начиналось не с нас. Есть у разведки традиции. Году в 1912-м или, боюсь ошибиться, 1913-м второе бюро Генштаба русской армии забросило далеко в Азию двух юных

офицеров. Задача – проникнуть в Тибет. Началась Первая мировая война, затем Вторая. Ну и после восстановились у СССР отношения, допустим, с Бирмой. И как-то представителя нашего посольства вызывают на встречу. Приходит, а ждут его два старых монаха. Из разговора понимают, что перед ними – разведчик. И докладывают: были введены для проникновения в Тибет. Задачу решили, соответствующее место в буддистской иерархии заняли. Из-за революции и войн по не зависящим от нас причинам связи не было, войти в контакт практически не могли. Возможность появилась только сейчас, в конце 1950-х. И два монаха рапортуют: мы бы хотели доложить нашему командованию о ходе выполнения задания. Монахов выслушали. Это были уже очень-очень старые люди. Дали эти разведчики интереснейшую информацию. И это не просто эпизод, а история о традиционной верности присяге, раз и навсегда избранному долгу.

О внедрении агента

– В этой стране (в ФРГ. – Ред.) я был инспектором Клейнертом, которому удалось выправить бумаги для советского нелегала Георгия. И благодаря этим документам тот проник в США. Я очень старался, чтобы получилось. Вот сейчас мы с вами встретились, затрагиваем темы довольно деликатные. А до этого мне позвонил наш общий знакомый, который, судя по всему, к вам хорошо относится, и попросил меня вас принять. Почему вы думаете, что приблизительно

такое невозможно в Германии? Был соответствующий разговор, необходимая переписка, и, наконец, состоялся мой приезд (*в Западный Берлин на работу в пункт специальной связи, через который проходили служебные почтовые отправления. – Ред.*). Меня соответствующим образом подготовили. Я был обеспечен надежными документами, получил требуемое направление. И приняли меня, прибывшего на новое место, тепло. Сел и принялся за свою работу. Ходил вместе со всеми, дежурил. Удалось при том еще и завязать хорошие контакты с людьми, работавшими в этом пункте, контролировавшемся их спецслужбами. Потом, когда сделал свое дело, и пришла пора уезжать, даже отходную устроил. Немцы, как и мы, любят повеселиться. Посидели, пивца попили. Все нормально. Дрожь в сердце была, конечно. Не дай бог, сорвется. Но что поделать? Все получилось. Ситуация была разыграна правильно. (*Дроздов перехватил документы с запросом о личности Георгия и направил письменные подтверждения, необходимые для внедрения нашего агента в США. – Ред.*) И я уехал в связи с окончанием служебной командировки. Но хватит обо мне.

О диверсантах и острых задачах

– Иногда приходилось совмещать несовместимое. Мы даже придумали термин для обозначения такой деятельности – «разведчик специального назначения». Этот термин объясняет различия между обязанностями обычного разведчи-

ка, никогда не привлекающегося к выполнению острых разведзаданий, и разведчика-диверсанта. Вот кто действует в особых условиях, потому и знаний, навыков ему требуется больше. Иначе острых, как мы говорим, задач не решить. И в состав Управления «С» нелегальной разведки действительно входили неструктурные подразделения специального назначения. В конце 1979 года меня, их руководителя, вызвали и сказали, что надо съездить в Афганистан, посмотреть, как они там проживают. Я съездил, посмотрел, принял участие в штурме дворца Амина. А 31 декабря, уже после этих событий, на встрече с председателем КГБ Андроповым, мы доложили: оценивая афганский опыт, надо подумать о создании специального кадрового подразделения в системе нашей госбезопасности. В 1980 году началась работа, и в августе 1981-го появился, конечно же, секретно, но официально, отряд «Вымпел».

Первым его командиром стал капитан первого ранга, Герой Советского Союза, участник того самого штурма Эвальд Козлов. Он из морских частей КГБ. Потому и дали отряду имя слегка морское – по ассоциации с адмиральским вымпелом на мачте. А официально именовался он скучновато – Отдельный учебный центр КГБ СССР. В нем были люди 32 национальностей. Некоторые из них еще до того успели пройти обучение даже в спецназах некоторых стран НАТО. Суть нелегальной деятельности в том, чтобы тебя за рубежом считали своим. А уж если там принимают за своего,

то призовут в армию. Можешь служить где угодно и попытаться проникнуть в элитные спецслужбы. Они начинали у нас в молодом возрасте. Были даже 18-летние девушки. Народ всякий, отбирали мы его тщательнейшим образом. Это обычное явление: чем моложе человек, тем он более склонен к смелой и решительной работе. Они – мои боевые товарищи. Меня, как и каждого из бойцов, могли уничтожить, к примеру во время штурма дворца Амина. Есть две профессии, которые подставляют грудь противнику раньше других, – разведчики и солдаты. Естественно, это рождает отношения особого рода.

О предательстве и женской силе

– Есть в разведке явление, с которым очень трудно бороться. Два наших нелегала, супруги Т. и Г., безукоризненно работавшие в одной из стран, попали в непонятную ситуацию. Никаких нарушений не допускали, все делали правильно, и это означало только одно – произошла независимо от нас какая-то утечка. Г. заметил слежку. Напряжение, боязнь за двоих детей, за беременную жену были столь велики, что у нелегала началось тяжелое расстройство. Много лет он приносил нам большую пользу. И вот... Тогда его супруга Т., которая должна была вскоре родить, все взяла на себя. Прекратила оперативную работу, уничтожила улики. Ей надо было разыграть соответствующую ситуацию, чтобы уйти через третью страну. И Т. повезла заболевшего мужа

лечиться якобы на юг. А сама сумела перевезти всю семью в другое государство. Мужа положила в клинику, сама – в роддом, где родила третьего ребенка. Вскоре нашла силы перебраться в СССР: и больного супруга вывезла, и троих детей. Всех спасла. И только потом мы поняли, что произошло. Выдал предатель Олег Гордиевский.

О странных смертях

– На то, чтобы построить его (*агента-нелегала. – Ред.*) жизнь, ушло 17 лет. И в одной стране он предстал совершенно другим человеком. Стал уважаемым бизнесменом. Жил без жены. Не смогли ее использовать. Язык никак не шел, внешность не подходила. В свое время мы привозили ему родного сына в Западную Европу. Он туда выезжал из своего государства в командировку. Хотели, чтобы мальчик увидел, какой у него достойный отец. Но потом случилась беда. Сын отдыхал в лагере и утонул. Отец чудом вырвался на похороны. Всего на один день. Больше не мог. Потом он благополучно вернулся (*на родину. – Ред.*). Ему присвоили звание Героя. Но умер дома странной смертью. Прошел там все испытания, все выдержал, а здесь попал под машину. Так было с еще одним нелегалом, который был послан в Штаты после ареста там Абеля. Жил там годы и годы, выполнил все, что только можно. Потом счастливо жил дома. И умер от аппендицита.

О шпионах во власти

– В одном из разговоров с тогдашним начальником разведки Крючковым я обронил такую фразу: «Знаете, Владимир Александрович, нам нужно как можно больше проявлять осторожность в работе с нашими материалами. Появились некоторые люди в высших эшелонах власти, которые знать обо всем этом, о наших результатах, ни в коем случае не должны». Так называемый «Список Крюčkова» (*по некоторым данным, в него входили люди из высшего руководства СССР, заранее подготовленные западными спецслужбами*. – *Ред.*) с именами этих людей из американской агентуры не был высосан из пальца. Такие люди были. Я не считаю – я уверен в этом. Подтверждение – наши агентурные материалы.

Щиголев Виталий Захарович

Полковник в отставке. Закончил высшую Краснознаменную школу КГБ СССР имени Ф. И. Дзержинского, курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС). Дважды направлялся в составе оперативной группы в Афганистан: с ноября 1979 по январь 1980 года и с января по июль 1981 года. За участие в штурме дворца крепости Тадж-Бек и проявленное мужество награжден орденом «Красной Звезды».

Ветеран военной службы и боевых действий, член ассоциации ветеранов внешней разведки, член ассоциации организаций и ветеранов «Группы “Вымпел”».

Отряд особого назначения

*Разведчикам-диверсантам 900 ОПДП
посвящается*

© В. З. ЩигOLEв, 2017

Спустя тринадцать с половиной лет после окончания Великой Отечественной войны Приказом Председателя Комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР от 22 декабря 1958 года в штат Управления КГБ при Совете министров СССР по Ленинградской области было введено новое подразделение – специальная группа, состоящая при начальнике Управления, с подчинением по линии работы 13-му отделу при Первом Главном Управлении (внешняя разведка) КГБ при Совете министров СССР.

Главной задачей специальной группы определялась подготовка и проведение мероприятий по обеспечению мобилизационной и боевой готовности отряда особого назначения, состоящего преимущественно из членов КПСС и ВЛКСМ, владеющих иностранными языками, бывших партизан, участников разведывательно-диверсионных групп, действовавших в тылу врага, и войсковых разведчиков, по-

ложительно зарекомендовавших себя в годы войны.

13 отдел, созданный в марте 1954 и преобразованный в октябре 1966 года в отдел «В», был во многом преемником Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, возглавляемой легендарным П. А. Судоплатовым, который с самого начала Великой Отечественной войны руководил разведывательно-диверсионной работой в тылу стремительно наступавшей германской армии.

Старший майор государственной безопасности П. А. Судоплатов (с января 1942 года – начальник 4-го (за фронтового) Управления НКВД СССР) в октябре 1941 года преобразовал приданные Особой группе воинские части и подразделения в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД СССР, численностью 25 тысяч человек, в составе двух полков, которые делились на батальоны, отряды, спецгруппы и отдельные подразделения. Бригада комплектовалась из сотрудников органов НКВД–НКГБ, военнослужащих пограничных и внутренних войск, слушателей Высшей школы НКВД, сотрудников милиции, добровольцев-спортсменов ЦДКА, общества «Динамо» и института Физической культуры, а также комсомольцев, мобилизованных по призыву ЦК ВЛКСМ. Один из батальонов, численностью около 2 тысяч человек, состоял из иностранных граждан, многие из которых имели опыт войны в Испании, – эмигрантов из Германии, Австрии, Испании, Италии, Польши, Болгарии, Финляндии и других

стран, изъявивших желание активно участвовать в борьбе с фашизмом.

В октябре 1941-го бойцы ОМСБОНА участвовали в общевойсковых боях под Москвой. В последующем, сформированные отряды, группы и индивидуально подготовленные исполнители из состава бригады действовали в ближнем и глубоком тылу противника, где вели разведку, осуществляли диверсии на вражеских объектах и транспортных коммуникациях, оказывали помощь партийным и государственным органам в организации партизанского движения и создании городских и поселковых подпольных ячеек, уничтожении изменников Родины и агентов вражеских спецслужб. Всего с 1941 по 1944 год специалистами ОМСБОНА было подготовлено 212 спецотрядов и диверсионно-разведывательных групп общей численностью 7316 человек. За успешное выполнение особо важных заданий командования в тылу врага 5172 военнослужащих бригады были награждены боевыми орденами и медалями, многие из них посмертно.

В 50–60-е годы 13 отдел ПГУ осуществлял подготовку сил специальных операций к действиям на территории вероятного противника в угрожаемый период или началом полномасштабных боевых действий между Востоком и Западом. В этих целях заблаговременно создавались разведывательно-диверсионные резидентуры на предполагаемом театре военных действий (ТВД) с задачей выявления уязвимых мест в системах транспортных коммуникаций и энергоснаб-

жения, тщательного изучения стратегических и особо важных объектов, в том числе атомной энергетики, подлежащие уничтожению (выводу из строя) с использованием диверсионно-разведывательных групп (ДРГ). В связи с этим перед специальными группами территориальных органов государственной безопасности, где должны были быть сформированы отряды особого назначения, ставились следующие задачи:

- подбор, комплектование и организация тщательного изучения личного состава отряда, в том числе и в полевых условиях;
- проведение мероприятий по повышению квалификации спецконтингента через радио- и аэроклубы ДОСААФ;
- подбор на должности командиров групп (КГ), их заместителей по разведке, помощников КГ по политчасти и старших радистов из числа наиболее подготовленных кадровых офицеров госбезопасности и военнообязанных запаса, с последующим, по согласованию с Центром, выездом их за границу в составе туристических групп и делегаций с целью визуального ознакомления со страной или районом предполагаемой деятельности;
- специальная подготовка групп и отдельных исполнителей на конспиративных объектах для проведения спецмероприятий (акций) в тылу противника и обеспечения их спецсредствами, оружием, документами, обмундированием и

снаряжением;

- отбор и изучение кандидатов для подготовки в качестве нелегалов на особый период;
- руководство и оказание практической помощи командованию отряда, выполнение других специальных заданий Центра;
- изучение физико-географической, политико-экономической и военной характеристик вероятного ТВД или страны пребывания.

В процессе подбора кандидатов для зачисления в отряд особого назначения рекомендовалось: по-прежнему обращать особое внимание на возможность использования участников Великой Отечественной войны, годных к службе в воздушно-десантных войсках, а также лиц, проживавших ранее на территории капиталистических государств. Особо подчеркивалось, что ввиду особой секретности решаемых задач отряд особого назначения должен состоять из честных и беспредельно преданных советской родине офицеров, сержантов и рядовых, готовых пожертвовать всем во имя защиты государственных интересов страны.

В 1966 году, в целях повышения боевой готовности и уровня профессиональной подготовки личного состава частей особого назначения, их структурного совершенствования, решением руководства Комитета государственной безопасности на месте отрядов особого назначения при отделе «В» была создана бригада особого назначения (БОН) в составе шести отдельных парашютно-десантных полков

(ОПДП) и одного отдельного батальона, общей численностью 4 тысячи 500 человек, носивших кадрированный характер, дислоцированных в различных географических центрах Советского Союза и укомплектованных национальными кадрами, которые с наступлением времени «Ч» приступали к разведывательно-диверсионной деятельности на своих географических направлениях или сопредельных территориях, владея языком и зная обычаи местного населения. Через 13 лет правильность избранного курса на своевременное создание частей особого назначения и их целевого предназначения полностью оправдала себя в ходе 10-летней войны в Республике Афганистан.

Так, в мирное время, в начале 1981 года, одиннадцать офицеров Ленинградского Управления КГБ совместно с сотрудниками территориальных органов КГБ Северо-Западного региона – все из состава 900 ОПДП, были направлены в ДРА, где в составе двух команд оперативно-боевого отряда КГБ «Каскад» оказывали практическую помощь местным органам безопасности в провинции Герат по организации борьбы с многочисленными бандформированиями из числа противников народной власти и контрреволюционным подпольем, получению своевременной информации об эмиссарах, засылаемых с территории Пакистана.

В феврале 1976 года, в ходе очередной и, как оказалось, последней реорганизации оперативно-боевого (спецназовского) направления разведки органов государственной без-

опасности, отдел «В» был преобразован в 8 отдел и введен в состав Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР, которому оперативно подчинялись:

- Соединение особого назначения (БОН), включавшее специальный резерв внешней разведки;
- Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ СССР, где ежегодно по семимесячной программе готовили командиров разведывательно-диверсионных групп специального назначения к действиям в тылу противника. Состав курса формировался в основном из сотрудников территориальных органов КГБ, имеющих опыт работы в контрразведывательных подразделениях, владеющих одним-двумя иностранными языками, по состоянию здоровья годных к службе в ВДВ, по личным и деловым качествам способных возглавить группу специального назначения к действиям в непростых условиях тыла противника. Именно из офицеров, прошедших КУОС, состоял оперативно-боевой отряд (ОБО) «Зенит» ПГУ КГБ СССР, численностью 150 человек, сыгравший определяющую роль в спецоперациях «Бакал-79» и «Шторм-333», успешно проведенных в декабре 1979 года в столице Афганистана во взаимодействии с отрядом спецназначения ГРУ ГШ Министерства обороны и подразделениями Воздушно-десантных войск;
- с 1981 года Отдельный учебный центр (ОУЦ), преобразованный позднее в отряд «Вымпел».

В военное время на базе 8 отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР предусматривалось развертывание Управления «ДР» (диверсионно-разведывательного), а на местах, в территориальных органах, вместо спецгрупп создавались отделы «ДР», планировавшие и осуществлявшие проведение в указанный период активных разведывательных и диверсионных операций на территории главного противника.

С 1979 по 1991 год Управление «С» возглавлял генерал-майор Юрий Иванович Дроздов – участник Великой Отечественной войны, более 35 лет своей жизни отдавший службе в нелегальной разведке, пользовавшийся огромным авторитетом в ПГУ. Именно ему было поручено лично Председателем КГБ СССР Ю. В. Андроповым впервые в послевоенный период задействовать силы специального назначения органов госбезопасности за пределами Советского Союза. Под его руководством был разработан план и успешно осуществлена с минимальными потерями уникальная спецоперация «Шторм-333» по овладению дворцом-крепостью Тадж-Бек в Кабуле и устранению от власти Х. Амина. Ю. И. Дроздов был инициатором и создателем в структуре органов безопасности штатного отряда специального назначения «Вымпел», с первоначальной численностью в одну тысячу человек.

С учетом резко осложнившейся к началу 80-х годов международной обстановки и в целях повышения боевых возможностей частей особого назначения, руководством КГБ

СССР было принято решение ввести комплексное обучение (разведчиков, подрывников, радистов и врачей-хирургов), предусматривающее последовательное прохождение ими в течение 6–8 лет одиночной и групповой подготовки по их специальностям, а также оперативной подготовки по основам разведывательной работы и обеспечению безопасности группы на территории противника. Содержание целевой подготовки оперативно-боевых групп (ОБГ) определялось исходя из характера военно-политической и оперативной обстановки в районах предполагаемого задействования групп и их задач. При комплектовании ОБГ учитывалась способность группы действовать в данном составе при выполнении задания в тылу противника, а также психологическая совместимость ее членов. Специальная подготовка ОБГ, после обязательного прохождения личным составом воздушно-десантной, легководолазной (для отряда легких водолазов) и горно-альпинистской подготовки, была более глубокой и конкретной по программам, разработанным 8 отделом, и проводилась специальной группой как на учебных сборах при частях Советской Армии, так и на конспиративных объектах.

Формирование одного из шести полков БОН – 900 ОПДП (Северо-западного направления) было возложено на Управление КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области, с задачей комплектования на базе формируемой части 40 разведывательно-диверсионных групп (РДГ) перво-

го и второго эшелонов и 5 групп головного отряда, уровень подготовки которого должен был приближаться к уровню подготовки разведчиков-нелегалов. Особо подчеркивалось, что РДГ должны быть готовы к выполнению разведывательно-диверсионных задач на территории противника в первые дни особого периода, а при необходимости и в мирное время.

Особое внимание отводилось подготовке и проведению комплексных и тактико-специальных учений (ТСУ), организуемых как по планам Центра, так и по линии службы разведки Управления. В ходе таких учений, проходивших в сложных условиях лесистой, горно-лесистой и лесисто-болотистой местности, в северных районах и тундровой зоне, полнее раскрывались морально-психологические, физические и личные качества офицеров и сержантов ОБГ, их уровень профессиональной подготовки. Учения вырабатывали чувство коллективизма, товарищеской выручки и взаимопомощи, готовность к преодолению трудностей и новых испытаний, возникающих в ходе решаемых задач. Учения прививали любовь участников к профессии военного разведчика, без которой трудно рассчитывать на успех в сложной, быстроменяющейся обстановке на территории, контролируемой противником.

Сегодня, по прошествии времени, можно с полным основанием утверждать, что разработанные и проведенные специальной группой службы разведки Управления такие

тактико-специальные учения, как «Дозор-86» – действия ОБГ на территории крупного промышленного центра, с целью проникновения на режимные ОВО; «Атом-88» – действия ОБГ по разведке и проникновению на объекты атомной энергетики; «Онега-89» – базирование ОБГ в условиях лесисто-болотистой местности Карелии, ведение разведки промышленных объектов, участие в чекистско-войсковой операции, проводимой Комитетом госбезопасности республики; «Балтийская осень-90» – выполнение разведывательно-диверсионных задач в тылу противника (по учебно-боевой обстановке в одной из стран Северной Европы; «Полярная звезда-91» – действия ОБГ в условиях тундровой зоны на территории Кольского полуострова, ведение разведки объектов энергообеспечения области, – полностью подтвердили сказанное о роли комплексных учений в подготовке разведывательно-диверсионных подразделений, а также позволили в полном объеме проверить умение личного состава групп повышенной готовности конспиративно вести разведку, проникать на особо режимные военные и промышленные объекты с целью вывода их из строя, действовать в условиях активного противодействия территориальных органов безопасности и поисковых отрядов, слаженность и морально-психологическую совместимость коллективов. Результаты учений получили высокую оценку Центра, где особо отмечались возросший уровень профессиональной подготовки членов ОБГ к действиям в условиях приближенных к бое-

ВЫМ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.